

КУЛЬТУРА ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н.С. Бажутина

Новосибирский государственный
технический университет

kafedra@ngs.ru

Целью статьи является анализ взаимосвязи уровня философского мышления и культуры вербального поведения, основанный на идее о способности философского мышления корректировать общую направленность вербального поведения личности, превращая философский язык не просто в бесконечную игру поиска смыслов и значений понятий и образов, но и опредмечивая навыки выбора эффективной жизненной стратегии.

Ключевые слова: речь, язык философии, мышление, сознание, культура, вербальное поведение, эффективная жизненная стратегия.

Философское мышление — максимально свободная, но системная и целенаправленная деятельность сознания. Соглашаясь с классическим определением, согласно которому «язык есть основной способ бытия сознания», следует признать и то, что специфические особенности философского мышления обеспечиваются за счет специфики систематизации психикой знаков, которые вне философского знания структурируются иным, менее конкретным и синкретичным, но более абстрагирующим образом. По сути, именно об этом писал еще сорок лет назад П.В. Копнин: «Знание, будучи языковой системой, образует свой своеобразный мир, имеющий определенную структуру, включающую в себя связь между элементами, ее образующими, по известным правилам» и «Бесплодно, вырвав какой-

нибудь элемент этой системы, пытаться решить вопрос об изоморфизме его структуры и структуры вещей и процессов. Он приобретает смысл и значение только в системе, т.е. в той форме человеческой деятельности, посредством которой целесообразно практически преобразуются вещи и процессы объективной реальности»¹. Уровень обобщения знаний о мире, достигаемый только философским знанием, как известно, является предельно широким и, одновременно, системным «по определению».

Уже в обыденной жизни обобщение человеческого опыта обеспечивает речь, которая достигает этого посредством оперирования понятиями, имеющими достаточно размытые границы, что позволя-

¹ Копнин П.В. Диалектика, логика, наука / П.В. Копнин — М.: Наука. — 1973. — С. 192.

ет субъекту произвольно отвлекаться от ряда свойств, связей и отношений объекта как несущественных в некотором отношении в целях концентрации внимания на свойствах, связях и отношениях, представляющихся существенными для интерпретации действительности. При этом, как известно, процесс познания включает в себя как чувственное, так и абстрактное мышление, а историческое развитие как сообществ, так и личности осуществляется в направлении освоения ими все более абстрактных понятий, не имеющих прямых аналогов в окружающей действительности (бег, белизна, смех и т. п.), но отображающих наиболее существенные связи, отношения или свойства познаваемой действительности. Это позволяет считать главной особенностью развитого мышления способность отражать действительность в предельно обобщенных образах прошлого-настоящего-будущего, системно осмысляемого в произвольно заданном направлении, определяемом опытом и целями человеческой деятельности.

Общепринято относить к особенностям абстрактного мышления;

- способность отражать действительность в обобщенных образах;
- способность отражать действительность опосредованно (посредством обобщений, предвосхищающих результаты наблюдений и экспериментов на основе данных нашего прошлого опыта);
- способность отражать действительность активно-творчески (формализуя результаты абстрагирования не только средствами естественного языка, но и символами «искусственных» языков, например, – научным).

Французский структуралист Эмиль Бенвенист (1902–1976 гг.) в статье «Категории

мысли и категории языка»² подчеркивал, что мыслительные операции, независимо от того, носят они абстрактный либо конкретный характер, всегда получают выражение в языке. Мысль обязательно должна пройти через язык и обрести в нем определенные рамки. В противном случае информация, выделенная субъектом из действительности, если и не превращается в ничто, то сводится к чему-то столь неопределенному и недифференцированному, что у человека нет никакой возможности воспринять ее как «содержание», отличное от той формы, которую придает ей язык. Языковая форма является не только условием передачи мысли, но и условием ее реализации, поскольку человек и постигает и продуцирует любую мысль лишь при условии ее оформления языковыми рамками. Вне языка существуют только неясные побуждения и волевые импульсы, выливающиеся в жесты, мимику и звуки.

При помощи языка, опредмечивающего в вербальной форме выделенные из действительности факты, люди выражают и закрепляют результаты своей мыслительной деятельности и решают любые информационно-накопительные и коммуникативные задачи. Прямое соответствия между единицами мышления и единицами языка при этом нет: в одном и том же языке одна мысль может быть оформлена самыми разными предложениями, словами и словосочетаниями, а одни и те же слова могут быть использованы для оформления разнообразных понятий и представлений. Более того, служебные, дейктические, некоторые экспрессивные слова и междометия не образуют определенных понятий,

² Э. Бенвенист // Общая лингвистика; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М., 1974. – Гл. 8. – С. 104–114.

а побудительные, вопросительные и т. п. предложения рассчитаны только на выражение волеизъявлений и субъективного отношения говорящего к каким-либо фактам.

Поскольку философия целенаправленным образом работает как непосредственно с мышлением, основным способом бытия которого и является язык (речь), так и со сферой бессознательного, реализуемой в форме неявно осознаваемых мечтаний, веры, представлений о смысле жизни или убеждений о том, что считать правильным или справедливым, причем делает это при помощи философских категорий, необходимо формулируемых без соблюдения научных принципов соответствия, то для философии культура вербального поведения приобретает особую значимость в силу специфики требований к процедурам обобщения и абстрагирования.

В соответствии с выводами исследователей обыденной речи нормативные языковые операции необходимо перемежаются с вероятностными операциями, в ходе которых постоянно осуществляется выбор смыслов и значений как в восприятии языковых единиц и их порождении, так и при восприятии и организации языковых блоков. Любое слово, как важнейший транслянт культуры, согласно выводам отечественного психолингвиста А.А. Леонтьева, уже записано в нашей памяти не в виде энграммы звуковой формы слова, а в форме поиска этого слова. Таким образом любое спонтанно выбираемое слово всегда есть процесс выбора смысла и значения, процесс выбора между выводами коллективного и индивидуального опыта в отношении одного и того же факта. Но в условиях спонтанной устной речи сознательный выбор и оценка используемых в ней

языковых средств, т. е. результатов коллективного опыта обобщения, сведены до минимума, в то время как в письменной речи и в подготовленной устной речи они уже занимают значительное место, а в философских текстах доведены до максимума. При этом философский язык процедуру поиска смысла и значения выводит из сферы бессознательного в сферу осознаваемой рефлексии, доводя значение индивидуального опыта до уровня коллективного и делая их равноправно сопоставимыми. Сознательный выбор и оценка используемых языковых средств в философских текстах начинают играть доминирующее значение и превращают философский язык в бесконечную, но целенаправленную игру поиска смыслов и значений.

Не случайно немецкий философ Г. Гадамер в своей работе «Истина и метод»³ распространил понятия игры также и на процесс понимания и истолкования текстов, произведений искусства, исторических событий, включив его таким образом в понятийный аппарат герменевтики. Следует отметить, что в общем виде и основная проблема герменевтики, формулируемая Дильтеем в виде вопроса о том, «Как может индивидуальность сделать предметом общезначимого объективного познания чувственно данное проявление чужой индивидуальной жизни?», в предлагаемом контексте может быть решена путем осознанного поиска обучаемыми структурно-логических языковых способов выхода за пределы психологической трактовки индивидуальности.

Герменевтический анализ, используемый при обсуждении проблемных фило-

³ Г.-Г. Гадамер: пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

софских ситуаций, как известно, основан на исследовании механизмов понимания и интерпретации текста. Понимание при этом – не только восстановление созданного мышлением автора содержания текста, но и преобразование одного набора граней понимаемого в другой, поскольку способы деятельности автора текста и понимающего текст реципиента оказываются различными. Поэтому понимание и выявляет в одном и том же тексте не только исторически выверенные значения, но и разные смыслы, задаваемые контекстом и подтекстом; а при интерпретации текста переживания рефлексировются обучаемыми сознательно и становятся элементом знания о тексте реципиента. Эти знания могут быть достаточно точно описаны словесными средствами, вербально обозначены, т.е. выступить как значащие переживания теоретического, методологического или аксиологического уровня. То есть текст можно рассматривать как единое смысловое пространство, как сам процесс формирования системы смыслов и значений. Поскольку совокупность языковых средств вместе с их содержательной стороной, соотношенная с замыслом, и составляет внешнюю форму текста, доступную осмыслению других субъектов, герменевтическому анализу подвергается, в первую очередь, именно эта сторона любого текста. И хотя содержательная (смысловая) сторона текста является ведущей, о замысле можно судить только в результате осмысления (усвоения) использованных автором языковых единиц (жестко и линейно организованных элементов текста), игра с которыми служит основным фактором понимания текста в целом.

Если учесть, что целостное восприятие любого среза действительности, при-

сущее самой человеческой природе, оптимально осуществляется только в условиях домысливания любой наличной информации, то философский текст является идеальным тренингом культуры такого домысливания, поскольку системен и многозначен одновременно «по определению». Если в образовательном процессе абстрагированный от естественной для человеческого сознания многозначности научный текст может быть воспринят лишь единицами, фактически случайно «совпавшими» в своей картине мира с той картиной мира, которая наличествует в сознании и подсознании автора текста, то при взаимодействии с философским текстом у подавляющего большинства субъектов всегда присутствует ожидание понимания и интереса. Это радостное ожидание творческой продуктивности, равно как и эмоциональное разочарование, редко присутствует при знакомстве с научными текстами как раз потому, что философский язык предполагает гораздо большую свободу интерпретации, чем язык научный. Углубленное, но однозначное понимание текстов, практикуемое частными науками, менее востребовано в обыденной жизни, в процессе которой любой человек постоянно сталкивается с необходимостью многостороннего выбора или задач структурирования приоритетов.

Собственно, гибкость поведения, сверхадаптация, эволюционное возникновение сознания, творческие способности человека, чувство юмора и другие существенные отличительные особенности человеческого существования имеют в качестве основания процедуру перманентного выбора и дистанцирования (абстрагирования) от синкретического чувственного мировосприятия, позволяющие не просто субъ-

ективированно корректировать личности свое индивидуальное поведение, но и обеспечивать свою автономность без утраты групповых стереотипов поведения и потери ощущения целостности мира.

Речевая способность и «естественный язык», таким образом, не просто предстают перед исследователями как объекты определенно-неопределенного характера, ибо функционируют не просто как «открытые системы», но как целостности, устойчивость которых во времени и пространстве обеспечивается одновременно как за счет линейных (жестких), так и за счет нелинейных (вариативных, т. е. в значительной своей части неопределенных) связей. Преимущество философского языка по сравнению с другими «искусственными» языками заключается в том, что он позволяет человеку осознать собственную сущность не только посредством освоения основных процедур определенно-неопределенного поведения, но и путем осознания причинно-следственных связей такого поведения и для самой личности, и для окружающего мира.

Язык философии, таким образом, замыкает круг познания. Оптимальное понимание мира и построение эффективной жизненной стратегии личности в конечном итоге определяется тем, каков диапазон знаний или языков, с помощью которых мы воспринимаем мир. Через освоение многообразия и вариативности языков культуры для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас более гибким и широким. Языки в отчетливых и действительных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия, — утверждал еще В. Гумбольдт.

Можно утверждать, что основной функцией культуры, как основного спо-

соба социального существования, является продуцирование устойчивых, но вариативных средств и форм построения культурных пространства и времени в физическом пространстве и времени. Каждая сфера культуры создает систему устойчивых взаимосвязей, согласованных с общей направленностью и этапом развития конкретной культуры. Эти языки сложны и не всегда поддаются быстрому пониманию, но их освоение ведет к более полному ощущению мира и плодотворной творческой деятельности в культуре. Философская культура личности является при этом «вершиной» развития личности и проявляется «во вне себя» посредством соответствующего языкового поведения.

Так, объективная необходимость одними и теми же речевыми средствами выразить и индивидуальные смыслы, и коллективные значения приводит к тому, что в предложении можно выделить три разных отношения: денотацию (обозначение) или индикацию (указание), которые фиксируют отношение предложения к внешнему положению вещей; манифестацию, фиксирующую связь предложения с субъектом, который говорит и выражает себя в данном предложении; и сигнификацию, связывающую употребляемые слова с их универсальными или общими понятиями. Кроме того, чтобы привести в движение языковую конструкцию, необходимо ввести оценочное отношение, которое устанавливает связь соответствия между словами и истинным положением вещей. Сигнификация, таким образом, становится тождественной смыслу, поскольку именно она задает «направленность» развития всем структурным отношениям предложения.

Вместе с тем следует отметить, что нелинейность информационных потоков, всег-

да присутствующая в обществе, для современного человечества становится ведущей характеристикой. На уровне личностного мировоззрения эта историческая тенденция усиливает субъективизацию восприятия текстов и ослабляет адекватность понимания и в межиндивидуальных, и в межгрупповых, в том числе и межпоколенных коммуникациях. Эта тенденция обнаруживается не только в истощении активного словарного запаса личности и примитивизации вербального поведения, но и в потребности современного человека обращаться к основаниям бытия культуры – к этническому самосознанию, компенсирующему деградацию индивидуальной картины мира актуализацией аксиологических оснований мировоззрения.

Этническое самосознание выражено при этом не столько в вербальных текстах, сколько в традиции и невербальных информационных системах, оказывающихся в условиях бессистемных информационных потоков основным средством сохранения психологической устойчивости личности и культур-

ной самоидентификации. Это обуславливает необходимость осознания этнических процессов как относительно новых точек бифуркации современной культуры и объясняет их чрезмерную уязвимость при реализации социально-политических и социально-экономических решений органов власти. Однако служит и индикатором действительного многократного усиления значения философской культуры, способной повысить устойчивость человеческого существования в новых исторических условиях в целом и совершенствовать навыки эффективного выбора в новых проблемных ситуациях в частности.

ЛИТЕРАТУРА

Бенневи́ст Э. Категории мысли и категории языка / Э. Бенневи́ст // *Общая лингвистика*; под общ. ред. Ю.С. Степанова. – М., 1974. – Гл. 8 – С. 104–114.

Гадаме́р Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадаме́р: пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Копни́н П.В. Диалектика, логика, наука / П.В. Копни́н. – М.: Наука. – 1973. – 463 с.